

П.М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН), А.Б. Летучий (РГГУ)
ДЕРИВАЦИИ АНТИПАССИВНОЙ ЗОНЫ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение¹

1.1. Рассматриваемые деривации

Во многих работах [Падучева 1998, 2004а; Hopper, Thompson 1980; Hale, Keyser 2002; Levin, Rappaport Hovav 1998; Ackerman, Moore 2001] отмечалась связь между способом выражения актантов глагола и семантическими, в частности, аспектуальными свойствами предиката. Например, так называемые «глаголы способа» (*читать, есть, рисовать, петь* и др.) допускают опущение актантов легче, чем «глаголы результата» (*разбивать, резать; прочитать, съесть, нарисовать* и др.). В некоторых случаях при опущении изменяется и лексическое значение глагола. Так, при безобъектном употреблении глагола *пить* (*Вася пьёт*) ситуация понимается как хабитуальная, имеющая место постоянно, как свойство субъекта, а кроме того, семантика ситуации сужается (она обозначает только то, что субъект пьёт алкогольные напитки, а не, например, фруктовые соки).

В нашей статье мы хотели бы рассмотреть одно из проявлений отмеченной выше связи – соотношение между опущением объекта глагола и семантическими характеристиками обозначаемой им ситуации. Данная связь будет анализироваться на примере маркированной и немаркированной *антипассивной* деривации в адыгейском языке.

1.2. Место антипассива среди дериваций

По классификации, принятой в книге [Плунгян 2000: 208–219], актантные деривации делятся на *повышающие, понижающие* и *интерпретирующие*. Отдельно рассматриваются *залог*, изменяющие диатезу глагола и коммуникативные характеристики актантов, но, как считается, не влияющие на пропозициональную семантику предиката.

Именно к залогам относится *антипассив*. К нему достаточно близок объектный *имперсонал* — понижающая актантная деривация. Если антипассив изменяет только способ выражения объекта (пациенса) глагола, то имперсонал вообще удаляет объект из аргументной структуры глагола, понижая количество синтаксических актантов на один. На этом основании В.А. Плунгян [op. cit.] и И.А. Мельчук [Мельчук 1998: 167, 186–191] чётко разграничивают эти понятия.

Оказывается, однако, что провести чёткую границу между антипассивом и имперсоналом на практике может быть сложно, гораздо сложнее, чем, например, между *пассивом* и *декаузативом*. В частности, два рассматриваемых преобразования гораздо меньше различаются по семантике, чем деривации и залог, затрагивающие субъект (агенса). Пассив, как правило, лишь понижает статус агенса (в том числе, выводя его «за кадр», см. [Падучева 1998]), обозначая, тем не менее, ситуацию, где агент присутствует; декаузатив же не только удаляет агенса из модели управления, но и обозначает ситуацию, где агент отсутствует. Аналогичное различие нельзя усмотреть между антипассивом и имперсоналом: ни антипассивы типа *кидаться камнями*, ни имперсоналы типа *нестись* (о курице) не подразумевают **отсутствия** в ситуации пациенса – изменя-

¹ Авторы благодарят М.С. Полинскую за ценные замечания к первоначальному варианту текста. Материал адыгейского языка был собран во время летних лингвистических экспедиций Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета в ауле Хакуринохаль Шовгеновского района Республики Адыгея в 2004 — 2005 гг. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 2004 04-04-18008е, Фонда Содействия отечественной науке и Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН.

ются только его коммуникативные, семантические и синтаксические свойства. Данная асимметрия связана с тем, что пациенс вообще связан с семантикой ситуации гораздо сильнее, нежели агенс, и удалить его из ситуации существенно сложнее (ср. [Testelec 1998]), недаром в ряде формальных теорий грамматики это противопоставление отражается и на уровне (глубинной) синтаксической структуры: пациенс считается «внутренним» аргументом, входящим в одну составляющую с глаголом, а агенс рассматривается как «внешний» аргумент, ср. [Grimshaw 1990; Hale, Keyser 2002].

Из-за того, что различить имперсонал и антипассив на семантических основаниях не представляется возможным, мы уделяем внимание прежде всего синтаксическим свойствам рассматриваемых дериваций, существенным признаком которых (ср. [Cooreman 1994]) считается то, что аргумент, являющийся в переходной диатезе прямым объектом, в непереходной либо удаляется из аргументной структуры, либо, по меньшей мере, понижается в синтаксическом статусе до непрямого/косвенного объекта. Ср. примеры из языка дирбал [Dixon 1972: 65]:

(1) a. *balan* *Δugumbil* *baŋgul* *ya↔a-ŋgu* *balga-n.*
 ART.ABS женщина.ABS ART.ERG мужчина-ERG бить-PRS
 ‘Мужчина бьет женщину.’

(2) b. *bayi* *ya↔a* *baŋgun* *Δugumbi-↔u* *balgal-ŋa-
 Δu.*
 ART.ABS мужчина.ABS ART.DAT женщина-DAT бить-AP-PRS
 ‘Тж.’

и из алуторского языка [Кибрик и др. 2000: 342, 270]:

(3) a. *tə-laʔu-n* *əpapa.*
 1SG.A-видеть-3SG.P папа.ABS
 ‘Я увидел папу.’

(4) b. *əmʲin* *əpɾəŋav* *qiwwaŋ* *ina-ləʔu-tkən.*
 этот старуха.ABS плохо (3SG.S)AP-видеть-IPF
 ‘Эта старуха плохо видит.’

В примере (1) антипассивная деривация, сохраняя оба ядерных актанта глагола, только понижает статус Пациенса; в примере (2) префикс *-ina-* вообще удаляет объект (в данном случае Стимул) из аргументной структуры. Следует отметить, что и в дирбале, и в алуторском один и тот же показатель способен маркировать как антипассив, так и имперсонал.

Важным признаком антипассива мы считаем также наличие импликации вида:

(5) $X P_{intr} \rightarrow (\exists Y) X P_{tr} Y.$

Иначе говоря, если верно, что участник *X* (субъект ситуации) производит действие *P*, то верно также, что существует объект, над которым совершается это действие, даже если последний не может быть выражен в данной конструкции: если человек читает, то неизбежно имеется текст, который он читает. Данная импликация позволяет отличить антипассив и имперсонал от дериваций типа аппликатива (ср., например, *работать* – *обрабатывать*, *лить воду на X* – *облить X водой*). Аппликатив именно **добавляет** в аргументную структуру ситуации нового участника – не подразумевается, что участник с такой же или подобной ролью присутствовал и в ситуации, обозначенной исходным непереходным глаголом. Антипассив и имперсонал напротив, воздействуют на свойства участников ситуации, но не изменяют их набора.

2. Адыгейская ситуация

Перед тем, как перейти собственно к обсуждению интересующих нас фактов адыгейского языка, необходимо сказать несколько слов о том, как мы трактуем применительно к этому материалу основные морфосинтаксические понятия (здесь мы в ос-

новном следуем традиции описания адыгских языков, см. [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1971]). Количество и статус синтаксических актантов адыгейского глагола определяются **по формальным основаниям: актантами** мы считаем участников ситуации, которым соответствуют местоименные «согласовательные» аффиксы, в том числе нулевые, в глагольной словоформе; именные группы, их выражающие, маркируются абсолютивом (суфф. *-r*) или эргативом (общекошвенным падежом, суфф. *-m*)². Участники, которым в глаголе не соответствует никаких показателей, трактуются нами как сирконстанты; они могут быть маркированы другими падежами, например, инструменталисом (суфф. *-č'e*), однако возможны и сирконстанты, оформленные эргативом. **Переходной** мы называем такую диатезу, при которой синтаксический субъект (как правило, семантический агенс) контролирует наиболее близкую к основе согласовательную позицию и, в случае выражения его полной ИГ, маркирован эргативом, а синтаксический объект (как правило, семантический пациенс) контролирует согласовательную позицию, напротив, наиболее удалённую от корня, и маркирован абсолютивом. Любую диатезу, в том числе, двухвалентную, не удовлетворяющую этим формальным критериям, мы будем именовать **непереходной**. Важно отметить, что синтаксические актанты в адыгейском языке не обязаны быть выражены полными именными группами – достаточно наличия в глагольной словоформе соответствующих согласовательных показателей.

В адыгейском языке имеется небольшое количество пар глаголов, основы которых могут оканчиваться на *-ə* или на *-e* (например, *txə-n ~ txe-n* 'писать')^{3,4}. При этом основа на *-ə* за редкими исключениями является переходной, а основа на *-e* – непереходной⁵. Противопоставлению основ на *-ə* и на *-e* в адыгских языках, как в синхронном, так и в историческом аспектах, посвящена обширная литература (см., например, [Кумахов 1971: гл 7; 1974; 1981: гл. 5; 1989: 138–147; Hewitt 1980]).

Непереходные основы рассматриваемых глаголов могут иметь различные модели управления. В частности, среди них – двухвалентная антипассивная и одновалентная имперсональная:

1) Одновалентная: Агенс маркируется абсолютивом, Пациенс вообще не выражается:

(6) а. *č'ale-m* *pjəs'me-r* *je-txə*.
 мальчик-ERG письмо-ABS (3SG.P)3SG.A -писать
 'Мальчик пишет письмо'.

(7) б. *č'ale-r* *ma-txe*.
 мальчик-ABS 3SG.S-писать.AP
 'Мальчик пишет'.

Особый подкласс – диатезы, где Пациенс маркирован не эргативом, а инструменталисом, т.е. имеет статус не актанта, а сирконстанта:

(8) а. *he-m* *lə-r* *je-šxə*.
 собака-ERG мясо-ABS (3SG.P)3SG.A-есть
 'Собака ест мясо'.

(9) б. *he-r* *lə-č'e* *ma-šxe*.
 собака-ABS мясо-INS 3SG.S-есть.AP

² Следует заметить, что падежные показатели употребляются лишь при референтных ИГ.

³ Здесь и далее глаголы приводятся в форме «инфинитива» с суффиксом *-n*.

⁴ Говорить о **маркировании** антипассива с помощью показателя *-e* вряд ли правомерно – основа многих адыгейских переходных глаголов также заканчивается на *-e*. Кроме того, мы сознательно отвлекаемся от вопроса о том, является ли противопоставление основ словообразовательным или словоизменительным, и в дальнейшем будем синонимически употреблять термины «(не)переходная основа», «(не)переходный глагол» и «(не)переходный член пары».

⁵ Мы не рассматриваем здесь изменение огласовки основы, происходящее при присоединении локативных превербов, см. [Кумахов 1981: 250–255].

‘Собака питается мясом’.

2) Двухвалентная непереходная: Агенса маркируется абсолютивом, Пациенс – эргативом и контролирует согласовательный показатель непрямого объекта:

(10) a. *çəfə-m tɬələ-ɾ ə-ʒə-ɪ.*
 человек-ERG книга-ABS 3SG.A/3SG.P-читать-PST

‘Человек прочёл книгу’.

(11) b. *çəfə-r tɬələ-m je-ʒə-ɪ.*
 человек-ABS книга-ERG (3SG.S)3SG.IO-читать.AP-PST

‘Человек почитал книгу’.

Как видно из примеров, собственно **антипассивной** может называться только диатеза второго типа (пример (6b)), допускающая реализацию объекта, первая (пример (4)) является собой объектный **имперсонал**. Диатезы с Пациенсом-сирконстантом (пример (5)) представляют собой промежуточный случай: с точки зрения структуры глагольной словоформы это имперсонал, т.к. в ней кодируется только один актанта, с точки зрения же набора ИГ в предложении такие случаи сближаются с антипассивом.

Важно отметить, что в примере (4) выразить пациенс невозможно, следовательно, антипассивная и имперсональная диатезы в адыгейском языке всё же различаются по сочетаемости с глаголами. Тем не менее, существуют весомые аргументы в пользу того, чтобы рассматривать их вместе.

Во-первых, хотя примеры типа (4) не допускают добавления непрямого объекта, обратного ограничения не существует: глаголы, образующие антипассивные диатезы типа (6), допускают опущение объекта, ср. пример (7):

(12) *leʒak_we-xe-r bere je-š_we-x.*
 рабочий-PL-ABS часто OBL-пить.AP-PL

‘Рабочие часто пьют’.

Таким образом, глаголы, возможные в антипассивных конструкциях, могут образовывать и имперсональные; возможность же собственно антипассивной конструкции обусловлена особыми свойствами ряда глаголов, к которым мы перейдём ниже.

Во-вторых, глаголы, образующие антипассивные и имперсональные конструкции, весьма близки по своим семантическим свойствам: ясно, по крайней мере, что характеристики актанта глаголов *je-š_we-x* ‘пить’ и *ʒə-x* ‘есть’ весьма сходны. Таким образом, можно говорить только о распределении конструкций относительно **лексем**, но не **классов лексем** (подробнее вопрос о распределении рассматриваемых диатез мы рассмотрим ниже).

Наконец, в-третьих, сами антипассив и имперсонал, как уже указывалось, очень близки по семантике и относятся к средствам понижения статуса объекта. Таким образом, мы считаем предпочтительным говорить о **деривациях антипассивной зоны** – деривациях, понижающих статус исходного (прямого) объекта (такое широкое понимание антипассива можно найти ещё в работе [Heath 1976]).

Ниже нас будут интересовать, прежде всего, глаголы, имеющие две основы – переходную и непереходную антипассивную/имперсональную. Однако мы не сможем обойтись без рассмотрения ещё двух классов явлений. Во-первых, существуют глаголы, которые могут в одних случаях образовывать переходную, а в других – непереходную диатезу, но изменение модели управления не маркируется меной гласной основы. Во-вторых, некоторые глаголы имеют две основы – на *-e* и на *-ə*, – но эти основы противопоставлены не как переходная и непереходная антипассивная, а как-то иначе. Обе группы явлений будут рассмотрены в следующих разделах.

3. Другие типы соотношения основ на *-ə* и на *-e*

Выделяются, по меньшей мере, три класса случаев, когда две основы глагола не соотносятся как переходная и антипассивная:

(1) переходная основа является аппликативом от непереходной, добавляя к аргументной структуре прямой объект: *lež'en* ‘работать’ – *lež'en* ‘обрабатывать что-либо’, *k_wen* ‘идти’ – *k_wen* ‘проходить какой-либо путь’:

- (13) a. *č'ale-r* *školə-m* *ma-k_we*.
 мальчик-ABS школа-ERG 3SG.S-идти.AP
 ‘Мальчик идёт в школу’.
- (14) b. *č'ale-m* *školə-m* *nese kilometr-jə-tfe* *je-k_wə*.
 мальчик-ERG школа-ERG до километр-INF-пять(ABS) (3SG.P)3SG.A-идти
 ‘Мальчик (каждый день) проходит до школы пять километров.’
- (15) c. *č'ale-m* *metr-jə-š'e-r* *taqjəq-jə-t_wə-č'e* *qə-čə-ə*.
 мальчик-ERG метр-INF-сто-ABS минута-INF-два-INS (3SG.O)INV-(3SG.A)бежать-PST
 ‘Мальчик за две минуты пробежал стометровку.’

(2) основы различаются наличием/отсутствием в модели управления непрямого объекта: *p_len* ‘смотреть’ – *jeplən* ‘смотреть на что-л.’:

- (16) a. *č'ale-r* *č'əž'-ew* *ma-p_le*.
 парень-ABS далекий-ADV 3SG.S-смотреть.AP
 ‘Парень смотрит вдаль’
- b. *č'ale-r* *se* *s-je-p_lə*.
 парень-ERG я 1SG.IO-3SG.S-смотреть
 ‘Парень смотрит на меня’.

(3) непереходный вариант является своего рода потенциальным пассивом от переходного: *le_wen* ‘видеть’ – *le_wen* ‘виднеться’:

- (17) a. *q_wəha-r* *se-le_wə*.
 корабль-ABS (3SG.P)1SG.A-видеть
 ‘Я вижу корабль’.
- (18) b. *č'əž'ə-č'e* *q_wəha-r* *qe-la_we*.
 далеко-INS корабль-ABS (3SG.S)INV-видеть.AP
 ‘Вдалеке виднеется корабль’.

Рассматриваемые случаи в разной степени отстоят от прототипического антипассива. В паре ‘работать’ – ‘обрабатывать’ отличие от антипассива только в том, что не выполняется логическая импликация: неверно, что если X работает, то X нечто обрабатывает. Ещё сложнее провести различие между антипассивом и парой ‘идти’ – ‘проходить’: логически верно, что если X идёт, то он проходит некоторое расстояние или минует какие-то объекты. Однако не только в адыгейском, но и во многих других языках эти объекты выражаются периферийными, например, сирконстантными именными группами, в отличие от пациенсов глаголов типа ‘есть’ или ‘писать’, для которых более характерно выступать именно в качестве прямых объектов или, по меньшей мере, именных групп с довольно высоким синтаксическим статусом⁶. Ситуаций, когда говорящему важно, что участник ситуации нечто пишет, но не важно, что именно, меньше, чем ситуаций, когда ему важно, что участник ситуации движется определённым образом, но не важно, по какому пути.

Подобные случаи представляют отдельную сложность в адыгейском языке, где, по сути, не существует маркера антипассива – по форме глагола нельзя установить, какая основа является для него исходной, а какая – производной. Более того, исторически исходными для глаголов движения являются именно непереходные формы с огласовкой *-e*, а для основной массы других глаголов – переходные с огласовкой *-ə* (ср., например, [Кумахов 1981: 229—256; 1989: 139, 142]).

⁶ См., однако, ниже об употребительности непереходной формы глаголов ‘пить’ и ‘читать’, которые по этому признаку скорее сближаются с аппликативами.

Несколько дальше от прототипического антипассива отстоит случай (2), где модели управления форм на *-ə* и на *-e* также различаются наличием/отсутствием объекта, но не прямого, а косвенного. Вообще говоря, понижение статуса непрямого объекта редко выражается какими-либо маркерами или чередованиями – в языках мира распространены деривации, **добавляющие** к модели управления глагола не прямой или косвенный объект (ср., в частности, показатели версии в абхазо-адыгских и картвельских языках); нам не известно, однако, ни одного языка с продуктивным показателем **понижения** статуса непрямого объекта. Вероятно, пару *jeplən/plən* нужно считать архаизмом, в котором проявляется отмечавшаяся ещё в [Яковлев, Ашхамаф 1941] связь мены гласной основы с направленностью действия на объект или отсутствием такой направленности⁷.

Наконец, в случае (3), в отличие от (2), две основы глагола различаются переходностью, но субъект переходной основы соответствует не субъекту, а прямому объекту переходной – конструкция в примере (10) представляет собой потенциальный пассив от конструкции с переходным глаголом.

Несложно показать, что в современном языке основным соотношением между глагольными основами на *-ə* и на *-e* нужно считать именно антипассивно-имперсональное: все остальные употребления представлены единичными лексемами, в том числе и аппликативное соотношение, наблюдаемое у двух глаголов движения: *k_wen* ‘идти’ и *çen* ‘бежать’, но не затрагивающее других лексем этого семантического класса, таких как *bəbən* ‘лететь’ или *jesən* ‘плыть’.

Все рассмотренные типы семантико-синтаксических соотношений основ глагола объединяет одно свойство: во всех случаях переходность и/или валентность основы на *-e* ниже, чем у основы на *-ə*, что вполне соответствует нашему пониманию антипассива и имперсонала как дериваций, понижающих переходность. Тем не менее, оказывается, что это понижение распадается на несколько подтипов. Как нам кажется, это означает, что одна и та же деривация (или, по крайней мере, один класс дериваций) в разных случаях может затрагивать различные уровни структуры предложения, а именно:

- (i) набор семантических ролей участников ситуации, обозначаемой глаголом;
- (ii) аргументная структура: противопоставление «внешнего» (≈ подлежащее) и «внутренних» (≈ дополнения) аргументов, ср. [Grimshaw 1990];
- (iii) морфосинтаксис: оформление подлежащих и дополнений падежами и их согласование с глаголом;
- (iv) поверхностное выражение актантов: в частности, то, выражен ли актант полной именной группой или только согласовательным аффиксом в глагольной словоформе⁸.

Наиболее распространён случай, когда деривация затрагивает морфосинтаксический уровень и аргументную структуру: при имперсональном употреблении *e*-варианта он лишается внутреннего аргумента, но набор семантических ролей сохраняется – это и показывает импликация (1). Чистые антипассивы – *ježen* ‘читать’ и *jes_wen* ‘пить’ – имеют ту же аргументную структуру, что и переходные варианты, но оформляются их актанты иначе. Неантипассивные употребления основ на *-e* показывают, что воздействие деривации может проследиваться и на уровне семантических ролей. Наконец,

⁷ Ещё ярче проявляется эта связь в чисто локативных употреблениях основ на *-ə* и на *-e*, которые не рассматриваются в нашей статье, см. об этом [Кумахов 1981: 238]

⁸ В нашей статье мы отвлекаемся от проблемы статуса именных групп и личных аффиксов глагола в полисинтетических языках, см. работы [Jelinek 1981; Baker 1995], где актантный статус именных групп ставится под сомнение. Мы полагаем, тем не менее, что в адыгейском языке, как и в кабардинском (см. [Минор 2005]), нет оснований для того, чтобы рассматривать полные ИГ лишь как сирконстанты.

морфологические каузативы могут образовывать конструкции «антипассивного типа», изменяя только поверхностное выражение актантов (см. об этом п. 7).

Вообще говоря, в адыгейском языке очень большое значение имеет именно морфосинтаксический уровень (см. [Летучий 2004а; Letuchiy 2005]): в частности, реципрок и рефлексив образуются по-разному в зависимости от переходности исходного глагола; словоформы переходных и непереходных двухвалентных глаголов различаются местом присоединения согласовательных аффиксов – таким образом, значение имеет именно оформление подлежащих и дополнений, а не только их набор. Напротив, для значений мены гласных основы очень важен уровень аргументной структуры, хотя в большинстве случаев меняется и морфосинтаксическая переходность глагола.

4. Основания выбора диатезы *e*-основы

Как говорилось выше, нельзя считать, что распределение антипассива и имперсонала мотивировано семантически: ясно, что актанты глаголов ‘есть’ и ‘пить’ весьма похожи между собой, однако диатезы непереходных вариантов этих глаголов различаются. Как же мотивированы такие различия?

Рассмотрим вначале менее сложную пару *ʒən/jeʒen* ‘читать’ (антипассивная диатеза) vs. *txən/txen* ‘писать’ (имперсональная диатеза). Вторые актанты данных глаголов различаются по своим свойствам: актант глагола ‘писать’ в ходе ситуации создается, то есть подвергается изменениям. Напротив, ситуация ‘читать’ предполагает только изменение ментального состояния субъекта.

Таким образом, даже если бы глагол *jeʒen* ‘читать’ вообще не имел бы переходной основы, употребляясь только как непереходный двухвалентный, это было бы вполне объяснимо: ср. русские непереходные глаголы ментального состояния типа *завидовать*. Это подтверждается и большей употребительностью *e*-основы данного глагола по сравнению с *ə*-основой. Напротив, было бы не столь объяснимо, если бы только непереходную диатезу имел глагол ‘писать’, имеющий прототипического пациенса – для подобных глаголов характерны именно переходные диатезы.

Как кажется, различие между адыгейскими глаголами ‘читать’ и ‘писать’ важно и для типологического изучения антипассива. Обычно считается (ср. [Cooreman 1994; Lazard 1994]), что если в языке есть антипассивная форма, то она является производной и употребляется в случаях, когда пациент (прямой объект исходного глагола) несуществен или неизвестен. Подобный подход не позволил бы объяснить особенности адыгейского антипассива: семантически всё же не очень далёкие глаголы *txen* ‘писать’ и *jeʒen* ‘читать’ допускают разную степень понижения прямого объекта.

Более продуктивен подход, при котором считается, что основной диатезой для одних глаголов является непереходная, а для других – переходная. В этом случае оказывается, что у глаголов ‘читать’ и ‘писать’ на **синхронном** уровне деривация происходит в различных направлениях: у ‘читать’ основной и в каком-то смысле исходной стоит считать непереходную диатезу (как уже говорилось, это сближает данный глагол с аппликативами типа ‘пройти’ или ‘обрабатывать’).

Попробуем теперь проанализировать более сложную пару *jəʂ_wən/jeʂ_wen* ‘пить’ – *ʂxən/ʂxen* ‘есть’; семантическое объяснение здесь уже не проходит, ведь объекты этих глаголов не различаются даже минимально. Прежде всего заметим, что различия в диатезах непереходных вариантов и у данной пары глаголов коррелирует с различиями в частотности. Непереходный вариант *ʂxen* ‘есть’ употребляется только при специфических условиях, которые мы рассмотрим ниже, тогда как переходный вариант того же глагола *ʂxən* является как бы «дефолтным» и употребляется «по умолчанию». Напротив, глагол ‘пить’ «по умолчанию» употребляется именно в непереходном варианте, а переходный вариант требует специальных условий, ср. пример (11):

- (19) *se k_wefje je-se-š_wə.*
 я кофе (3SG.P)LOC-1SG.A-пить
 ‘Я выпиваю (до конца) кофе’.

Вообще говоря, такая корреляция вполне объяснима: как уже говорилось, полностью удалить из ситуации пациенс практически невозможно, даже если его статус очень низок. Таким образом, основное употребление глагола, обозначающего двухактантную ситуацию, должно быть двухвалентным, то есть её аргументная структура должна соответствовать набору семантических актантов ситуации. Тем не менее, это не объясняет, почему основным употреблением у глагола ‘пить’ становится непереходное, а у глагола ‘есть’ – переходное⁹.

5. Немаркированные антипассивы – А-лабильность

Помимо маркированного антипассива, в адыгейском языке есть глаголы, которые могут иметь в одной и той же форме две диатезы: переходную и непереходную имперсонального типа – в терминологии работы [Кибрик и др. 2000], эти глаголы А-лабильны, то есть их употребления различаются наличием/отсутствием пациенса, а агенс присутствует в обеих диатезах.

К А-лабильным глаголам относятся, в частности, глаголы *pʃen* ‘полоть’, *ʒ_wen* ‘пахать’, *š'en* ‘продавать; торговать’, *wəpʃen* ‘косить’, ср. [Рогава, Керашева 1966: 99]:

- (20) а. *к_wəпек_wə-т хате-г је-рџе.*
 сосед-ERG огород-ABS (3SG.P)3SG.A-полоть
 ‘Сосед полет огород.’
- (21) б. *а-г маџе рјенəт рџа-ве.*
 он-ABS день целый (3SG.S)полоть-PST
 ‘Он целый день полел.’

Как и у глаголов, имеющих по две основы, у некоторых А-лабильных глаголов соотношение диатез отличается от прототипического антипассивного: они непереходны в обеих диатезах:

- (22) а. *а-š' he-г је-сеџа-в.*
 он-ERG собака-ABS 3SG.S/3SG.IO-кусать-PST
 ‘Его укусила собака’;
- (23) б. *he-г те-саџе.*
 собака-ABS 3SG.S-кусать
 ‘Собака кусается’.

Варьирование такого рода в языках мира часто бывает именно немаркированным. Как уже упоминалось, маркирование «антипассива» от непереходного глагола *jeplən* ‘смотреть на’ маргинально и для адыгейского языка.

Все диатезы, которые могут иметь немаркированные антипассивы, имеются также по крайней мере у части маркированных. С другой стороны, некоторые диатезы присутствуют только у глаголов с маркированными антипассивами, в частности, к ним относится собственно антипассивная диатеза: ни один А-лабильный глагол не имеет двух двухвалентных употреблений — переходного и непереходного.

Как уже говорилось выше, мы считаем, что мена переходной диатезы на непереходную двухвалентную (*ʒən ~ jeʒen* ‘читать’) в меньшей степени меняет свойства ситуации, чем мена переходной на одновалентную (*txən ~ txen* ‘писать’): первая воздействует только на морфосинтаксический уровень, вторая – также на аргументную структуру, выводя из неё исходный прямой объект. Оказывается, тем не менее, что собст-

⁹ Следует также отметить, что пара *jaš_wən/ješ_wen* отличается от пары *ʒən/jeʒen* тем, что переходный вариант глагола ‘пить’ содержит лексикализованный локативный преверб; возможно, этот факт мог послужить причиной снижения частотности этой основы.

венно антипассивные диатезы возникают у меньшего количества глаголов, чем имперсональные, и обязательно морфологически маркируются – по-видимому, следует предположить, что в каком-то смысле для образования антипассивной диатезы требуются более существенные преобразования, чем для образования имперсональной.

Возможно, следует считать, что при имперсонале имеет место ровно одна операция над аргументной структурой: из неё удаляется прямой объект. Напротив, при антипассиве происходит два преобразования: прямой объект удаляется, а затем добавляется косвенный – в этом случае антипассив представляет собой более сложную деривацию, нежели имперсонал. Ситуацию с антипассивом и имперсоналом можно сопоставить с различием декаузатива и пассива: хотя первый представляет собой актантную деривацию, изменяющую семантику ситуации, а второй, казалось бы, только меняет коммуникативные ранги участников ситуации, не маркироваться может только декаузатив – пассив, как правило, образуется с помощью особых маркеров.

Классы глаголов, образующих маркированные и не маркированные антипассивы, весьма сходны между собой. Правда, не маркированные антипассивы в большей степени ограничены семантическим классом глаголов «профессиональной деятельности» типа *ž_wen* ‘пахать’ – «глаголами способа» с узким значением, имеющими прототипических агенса и пациенса; лексем с семантикой типа ‘читать’ среди них нет.

6. Глаголы, образующие антипассив

Как показано в работах [Kazenin 1993], [Полинская 1986] и [Сай 2004], и маркированный антипассив, и А-лабильность ограничены лексически. Хотя при определённых условиях опущение объекта допускают практически все классы глаголов, регулярным, в том числе типологически, оно бывает только у некоторых классов.

Считается, что, как правило, антипассив и имперсонал образуют так называемые «глаголы способа» (“manner verbs”) в терминологии [Levin, Rapoport Novav 1998] – глаголы, для семантики которых характер деятельности агенса важен не в меньшей мере, чем изменение состояния пациенса. В частности, естественным образом в этот класс попадают глаголы, у которых прототипического пациенса, изменяющего своё состояние, просто нет (ср. *žən/ježən* ‘читать’, *plən/jeplən* ‘смотреть’). Глаголы ‘есть’ и ‘пить’ являются так называемыми «ингестивными» глаголами: хотя они являются сильно переходными глаголами воздействия на пациенс, для их семантики не в меньшей мере важно и изменение состояния агенса в результате данной ситуации (об особых свойствах этих глаголов см. [Недялков, Сильницкий 1969], [Masica 1976] и специальную работу [Amberber 2002]).

Наиболее многочисленная группа адыгейских глаголов, имеющих антипассивную или имперсональную диатезы (как маркированные, так и не маркированные) – глаголы «профессиональной деятельности», связанной со специальными типами обработки объектов (ср. *ž_wen* ‘пахать’, *pxən/pxen* ‘сеять’, *dən/den* ‘шить’ и др., см. [Гишев 1966]). В силу культурной освоенности данной области глаголы специализируются по типам обработки объекта и, таким образом, по определению являются глаголами способа.

7. Глаголы, не образующие антипассива

Как было показано выше, диатеза непереходной формы связана с семантической переходностью глагола. Однако семантика глагола влияет на образование антипассива и в другом аспекте: с ней связана невозможность образования антипассива от некоторых классов глаголов.

Первый из этих классов составляют случаи, когда глагол в сочетании с данным объектом получает особую семантику: опущение объекта приведёт к семантическому искажению. Ср., например, глагол *ʃəp* с общим значением ‘делать’:

(24) a. *se wəpe se-ʃə*
я дом (3SG.P)1SG.A-делать

‘Я строю дом’;

(25) b. **ar ma-ʃə/ma-ʃe*
он 3SG.S-делать/3SG.S.-делать.AP

‘Он строит’.

Семантически конструкция типа (14b) вовсе не аномальна: ср. возможные в адыгейском языке имперсональные конструкции типа ‘он пашет’, ‘он сеет’ и др., а также русское *Немцы всегда строят на совесть, Строить нужно добротнo* и др. – проблема заключается в том, что в значении ‘строить’ употребляется глагол ‘делать’. Оказывается, что глаголы с широким значением в каком-то смысле отличаются от канонических переходных глаголов: удаление из их аргументной структуры пациенса сразу же приводит к семантической неполноте высказывания, поскольку глагол сам по себе не связан с чётко очерченным классом объектов.

У другого класса глаголов, а именно морфологических каузативов с префиксом *ве-*, также невозможно построить антипассив:

(26) a. **haləw_wwaže-r pjepe rjen-ew je-wa-že/me-wa-že*
пекарь-ABS сегодня весь-ADV 3SG.S-CAUS-печься/SG.S-CAUS-печься

‘Пекарь сегодня весь день печёт’.

Как и в предыдущем случае, невозможность удаления объекта из аргументной структуры явно не мотивируется семантикой: многие похожие по значению глаголы допускают опущение объекта. Скорее дело именно в том, что данный класс составляют глаголы, ставшие переходными в результате деривации. Можно считать, что в примере (15a) играет роль невозможность понизить переходность глагола, у которого до этого переходность была повышена путём деривации.

Итак, можно сказать, что антипассивы не образуются от каузативов и от глаголов с общим значением по противоположным причинам: прямой объект каузатива занимает слишком высокую позицию, чтобы быть удалённым из аргументной структуры, глагол является «слишком переходным». Напротив, объект при глаголах типа ‘делать’ в каком-то смысле имеет слишком низкий статус, так как его семантические свойства не задаются самим глаголом. Невозможность образования антипассива от данных классов глаголов снова показывают, что для этой деривации важно не только морфосинтаксическое кодирование актанта (у двух рассматриваемых классов прямой объект маркируется абсолютно так же, как у других переходных глаголов), но и аргументная структура и набор семантических валентностей глагола.

С другой стороны, ясно, что прагматически объект каузативного глагола или глагола типа ‘делать’ может быть и не важен. При глаголе *ʃəp* в подобных случаях просто используются прямые дополнения с общим значением типа *wənexer* ‘дома’: получающееся сочетание *wənexer ʃəp* ‘делать дома’, по сути, и означает ‘строить’. Каузативы же допускают опущение объекта, но это преобразование не затрагивает ни набора аргументов, ни их маркирования, ср. пример (15b), где, несмотря на имперсональную семантику, полностью сохраняется переходный морфосинтаксис:

(27) (15) b. *haləw_wwaže-m pjepe rjen-ew je-wa-že*
пекарь-ERG сегодня весь-ADV 3SG.A/3SG.P-CAUS-печься

‘Пекарь весь день печёт’.

8. Аспектуальные свойства адыгейского антипассива

Опущение или понижение статуса внутреннего аргумента глагола, как отмечалось в литературе (ср., например, [Hopper & Thompson 1980; Dowty 1991; Cooreman 1994; Smith 1997/1991; Filip 1999; Ackerman & Moore 2001]), приводит к определённым изменениям аспектуальных характеристик предиката, затрагивающим как «внешнюю» аспектуальность (собственно видовые значения, связанные с «точкой зрения» (*view-point*) говорящего на внутреннюю структуру ситуации), так и «внутреннюю» аспектуальность – лексически заданные характеристики структуры ситуации, в частности, **акциональный класс** ([Tatevosov 2002; Татевосов 2005]; Т-категорию в терминологии Е.В. Падучевой [Падучева 1996, 2004а]). При этом большое значение имеет наличие или отсутствие выраженного «инкрементального» (см. [Krifka 1989; Dowty 1991; Filip 1999; Падучева 2004б]) внутреннего аргумента, степень вовлечённости которого в ситуацию возрастает по мере развития её во времени. В адыгейском языке наблюдаются явления обеих уровней.

То, что деривации антипассивной зоны в адыгейском языке по-разному воздействуют на семантическую, аргументную и морфосинтаксическую структуру разных предикатов, проявляется в неоднородности эффектов этих дериваций и в области аспектуальности. Так, глаголы *jeʒen* ‘писать’ и *jes_wen* ‘пить’, антипассивные варианты которых более употребительны, нежели переходные, обладают акциональными характеристиками, свойственными «нормальным» переходным глаголам. Напротив, глаголы, антипассивная форма которых имеет одновалентную диатезу (независимо от возможности поверхностного выражения Пациенса при помощи инструментальной ИГ), с точки зрения акциональности ведут себя подобно непереходным глаголам. Рассмотрим эти явления более подробно¹⁰.

Для нашего рассмотрения наиболее значимым является противопоставление **непредельных** (процессуальных) и **предельных** глаголов, различающихся акциональными значениями формы претерита: непредельные глаголы имеют акциональную характеристику Р (*čave* ‘побегал’), так называемые сильные предельные — ES (*lave* ‘умер’), а так называемые слабые предельные – обе (*stave* ‘горел какое-то время; сгорел’).

В нормальном случае переходная форма рассматриваемых глаголов относится к одному из предельных классов, а непереходная — к процессуальному:

(28) а. *se š_wefəg_wəb_we-r sə-ʒ_wa-ʋ.*
я поле-ABS (3SG.P)1SG.A-пахать-PST

‘Я вспахал всё поле’.

(29) б. *se sə-ʒ_wa-ʋ.*
я 1SG.S-пахать.AP-PST

‘Я пахал’.

(30) а. *pšəše-m pjasme-r ə-txə-ʋ.*
девушка-ERG письмо-ABS 3SG.P/3SG.A-писать-PST

‘Девушка написала письмо’.

(31) б. *pšəše-m karandaš-č’ə txa-ʋe.*
девушка-ERG карандаш-INS (3SG.S)писать.AP-PST

‘Девушка писала карандашом’.

¹⁰ Об акциональных классах в адыгейском языке см. [Аркадьев 2005, в печати]; для выделения классов использовалась процедура, предложенная С.Г. Татевосовым в работах [Tatevosov 2002; Татевосов 2005], основывающаяся на анализе акциональных значений сочетаний глагольных лексем с основными видо-временными граммемами: актуально-длительным значением презенса и перфективным претеритом. Релевантные акциональные значения таковы: «состояние» (S; *stum*), «процесс» (P; *работает*); «вхождение в состояние» (ES; *заснул*), «вхождение в процесс» (EP; *заработал*). Акциональный класс образует множество лексем с тождественными акциональными характеристиками обеих основных видо-временных форм.

В форме презенса антипассивные глаголы могут иметь как процессуальное, так и хабикулярное значение, причём последнее особенно характерно для диатез с неререферентным Пациентом-сирконстантом (о связи генерического прочтения ИГ и хабикулярной семантики предложений см. [Grifka et al. 1995]):

- (32) a. *se se-šxe.*
я 1SG.S-есть.AP
'Я ем (сейчас)'.
(33) b. *se lə-č'e se-šxe.*
я мясо-INS 1SG.S-есть.AP
'Я питаюсь (только) мясом'.

В отличие от одновалентных антипассивов, двухвалентные непереходные глаголы противопоставлены переходным формам не по наличию предельности, а скорее по её «степени» (см. [Летучий 2004]). Переходные глаголы *žən* 'писать' и *jes_wən* 'пить' обозначают ситуации, достигшие предела или с необходимостью предполагающие его достижение, в то время как непереходные варианты не имеют такой импликации:

- (34) a. *se txəl-ər z-žə-ke.*
я книга-ABS (3SG.P)1SG.A-читать.TR-PST
'Я прочёл книгу'.
(35) b. *se txəl-əm s-je-ža-в.*
я книга-ERG 1SG.S-3SG.IO-читать.AP-PST
'Я почитал книгу; я прочёл книгу'
(36) c. *?se txəl-ər se-žə.*
я книга-ABS (3SG.P)1SG.A-читать
'?Я прочитываю книгу' (предполагается, что в ближайшее время дочитаю).
(37) d. *se txəl-əm s-je-že.*
я книга-ERG 1SG.S-3SG.IO-читать.AP
'Я читаю книгу'.
(38) a. *ležak_we-xe-m vjenwe-r r-a-š_wə.*
рабочий-PL-ERG вино-ABS (3SG.P)LOC-3SG.A-пить
'Рабочие пьют вино' (всегда допивая до дна).
(39) b. *bəv_wə-r taqjəq-jə-pše psə je-š_wa-в.*
бык-ABS минута-INF-десять вода LOC(3SG.S)-пить.AP-PST
'Бык десять минут пил воду'.

Как видно, помимо различной интерпретации претерита, переходные и непереходные варианты глаголов 'читать' и 'пить' различаются и семантикой формы настоящего времени: у переходных основ актуально-длительное прочтение, несовместимое с достижением предела, затруднено (19c), и формы настоящего времени, как правило, имеют хабикулярную интерпретацию (20a), причина которой — не генерический Пациент, как у глагола 'есть' (18b), но семантический конфликт идеи достижения предела и имперфективации, разрешающийся в значении множества ситуаций, каждая из которых является предельной и завершённой.

Различия между двумя классами антипассивов ярко проявляется в том, как они сочетаются с так называемыми наречиями на *-č'e* — аналогами русских адвербиалов типа *за два часа* или английских *in two hours* (подробнее об этих наречиях см. [Аркадьев в печати]). В норме эти наречия сочетаются лишь с предельными глаголами:

- (40) a. *č'ale-m səhatnəq_we-č'e qe-k_wa-в.*
парень-ERG полчаса-INS (3SG.S)INV-идти-PST
'Мальчик дошёл сюда за полчаса'.
(41) b. **č'ale-m səhatnəq_we-č'e qe-š_wa-в.*
парень-ERG полчаса-INS (3SG.S)INV-танцевать-PST

Закономерным образом, с двухвалентными антипассивами *ježen* 'читать' и *jes_wən* 'пить' наречия на *-č'e* сочетаются без проблем в силу того, что последние сохраняют

значительную часть свойств «канонических» переходных глаголов, в частности, предельность:

(42) *č'ale-r txələ-m mef-jə-tfə-č'e je-žə-в.*
 парень-ABS книга-ERG день-INF-пять-INS 3SG.S/3SG.IO-читать.AP-PST

‘Парень прочёл (эту) книгу за 5 дней’.

(43) *lə-r taqjəq-jə-t_wə-č'e psə čaške je-š_wə-в.*
 мужчина-ABS минута-INF-два-INS вода чашка (3SG.S)LOC-пить.AP-PST

‘Мужчина за 2 минуты выпил чашку воды’.

Что же касается непереходных антипассивов, то они ведут себя в отношении наречий на *-č'e* сходно с непереходными неопредельными глаголами, как правило, либо не сочетаясь с ними вовсе, либо получая нестандартные интерпретации:

(44) **č'ale-r səhatnəq_wə-č'e qelem-əm-č'e txa-вe.*
 парень-ABS полчаса-INS карандаш-ERG-INS (3SG.S)писать.AP-PST

(45) **č'ale-r jəles-jə-t_wə-č'e hantχ_wəpsə-č'e šxa-вe.*
 парень-ABS год-INF-два-INS суп-INS (3SG.S)есть.AP-PST

(46) *s-jane səhatnəq_wə-č'e g_wə-вe.*
 1SG.POSS-мать полчаса-INS (3SG.S)толочь.AP-PST

‘Мать через полчаса стала толочь’.

Отметим нетривиальное поведение глагола *šxen* ‘есть’. В непереходном употреблении с инструментальным объектом он означает ‘питаться (только) X-ом’ и выглядит странно в сочетании с обозначениями небольших временных интервалов (ср. *#Я две минуты питался мясом*). В то же время имперсональная диатеза без инструментального объекта в сочетании с наречиями на *-č'e* даёт предельную интерпретацию (‘съел всё, что хотел/должен был’):

(47) а. *#č'ale-r taqjəq-jə-tfə-č'e hantχ_wəpsə-č'e šxa-вe.*
 парень-ABS минута-INF-пять-INS суп-INS (3SG.S)есть.AP-PST

#‘Парень в течение пяти минут только супом питался’.

(48) б. *se minut-jə-t_wə-č'e sə-šxa-в.*
 я минута-INF-два-INS 1SG.S-есть.AP-PST

‘Я поел за 2 минуты’.

Такое различие свидетельствует о важности для интерпретации предиката не только аргументов, но и адьюнктов: участник, выраженный инструментальной ИГ, влияет на семантику предложения. Это также отличает антипассивы от продуктивных в адыгейском языке дериваций типа реципрока или рефлексива: для их образования значимы только актантные (эргативные или абсолютивные) именные группы (см. [Летучий 2004; Letuchiy 2005]).

Таким образом, можно говорить о том, что акциональные свойства адыгейских антипассивов определяются в основном уровнем аргументной структуры: двухвалентные глаголы с инкрементальным внутренним аргументом являются предельными независимо от морфосинтаксической переходности; напротив, удаление пациенса из аргументной структуры превращает предикат в неопредельный даже тогда, когда этот участник может быть выражен при помощи сирконстантной ИГ.

Связь дериваций антипассивной зоны с аспектуальными свойствами предиката можно наблюдать и в русском языке. Так, маркированные антипассивы типа *кидаться*, *швыряться*, *бросаться*, *нестись* (о курице) подразумевают изменение значения предиката, в частности, его акциональных свойств — эти глаголы близки к мультипликативным процессам, обозначая повторяющиеся ситуации. Напротив, немаркированные антипассивы (*читать*, *писать*, *пахать* и др.) сохраняют основные семантические характеристики основы, не предполагая множественности событий. Русские антипассивы, так же, как и адыгейские, неопредельны, что обуславливает невозможность перфектив-

ных антипассивных конструкций типа **Вася уже прочитал* или **Мальчик кинулся в меня камнем*.

Заключение

Итак, мы рассмотрели основные содержательные и формальные свойства дериваций антипассивной зоны в адыгейском языке. Важнейшая их характеристика – понижение статуса пациенса – внутреннего аргумента глагола, которое может реализовываться на разных уровнях структуры предложения: имперсональная диатеза вообще исключает пациенса из числа синтаксических актантов, воздействуя тем самым на аргументную структуру, антипассивная же сохраняет внутренний аргумент, но меняет его грамматическую функцию (прямой объект становится непрямым), затрагивая только морфосинтаксическую конфигурацию предложения. Такой результат, в принципе, не является неожиданным, поскольку антипассив и имперсонал слабо семантически противопоставлены, потому что полностью удалить из значения глагола пациенс невозможно. Мы полагаем поэтому, что при типологическом анализе залогов и актантных дериваций нецелесообразно проводить чёткую границу между имперсоналом и антипассивом (как, например, делается в статье [Hewitt 1981]).

Несколько более неожиданным является тот факт, что в адыгейском языке в сферу дериваций антипассивной зоны оказываются втянуты преобразования, вообще не затрагивающие морфосинтаксической переходности: глаголы *jerləp* ‘смотреть на’ и *plep* ‘смотреть’ различаются набором семантических ролей и синтаксических аргументов, но не переходностью в формальном смысле этого слова.

Полифункциональность рассматриваемых дериваций связана, с одной стороны, с особенностями исторического развития системы аблаутных чередований в адыгских языках. По-видимому, первоначально они вообще не маркировали актантных преобразований и, следовательно, не были привязаны к одной определённой деривации. С другой стороны, на синхронном уровне важно, что «сферой действия» этих дериваций является не только морфосинтаксис, но и семантика. Они понижают семантическую переходность глагола (в смысле [Nopper, Thompson 1980]), и часто неважно, понижается ли вместе с этим его формальная переходность. И наоборот, существуют случаи (потенциальный пассив и антипассив), когда понижается синтаксическая переходность, а на семантическом уровне это может отражаться по-разному.

Малосущественным с функциональной точки зрения оказывается также и параметр морфологической маркированности рассматриваемых дериваций: и «двухосновные», и А-лабильные глаголы в адыгейском языке проявляют единообразные характеристики, как морфосинтаксические, так и семантические. Более того, именно класс глаголов, в принципе допускающих деривации антипассивной зоны, т.е. объединение глаголов с чередованием основ и А-лабильных глаголов, может быть нетривиальным образом семантически охарактеризован: это глаголы «способа» с активным агенсом-исполнителем; напротив, распределение лексем по классам маркированных и немаркированных антипассивов является, в принципе, случайным и варьируется по диалектам (см. [Кумахов 1989: 139 и сл.]). Таким образом, эти три явления – антипассив, имперсонал и А-лабильность – обнаруживают важные черты сходства и должны рассматриваться вместе и на фоне друг друга.

Наконец, следует подчеркнуть, что деривации, рассмотренные в данной статье, не являются **продуктивными** в обычном понимании этого термина: неверно, что любой глагол с заданными семантическими свойствами допускает опущение прямого объекта и тем более мену корневой гласной. Более того, как мы видели, реализация операции понижения пациенса в виде той или иной конкретной диатезы (имперсональной, имперсональной с возможностью выразить пациенс инструментальным сирконстантом,

двухвалентной антипассивной) связана с самыми различными обстоятельствами, как правило, исторического характера. Так, закрепление за некоторыми глаголами именно двухвалентной антипассивной диатезы, очевидным образом, вызвано повышенной частотностью непереходной основы, которая, в свою очередь, объясняется фактами, нам пока неизвестными. Напротив, если бы эти деривации обладали высокой степенью продуктивности и регулярности, можно было бы ожидать либо семантического распределения диатез, либо более частого их совмещения у одной лексемы. Изучение такого рода малопродуктивных семантико-синтаксических преобразований в типологической перспективе представляется нам чрезвычайно важной и актуальной задачей.

Сокращения

A – агент переходного глагола, ABS – абсолютив, ADV – адвербиальная форма, AP – антипассив, ART – артикль, CAUS – каузатив, DAT – датив, ERG – эргатив, INF – соединительный показатель, INS – инструменталис, INV – инверсив, IO – не прямой объект, IPF – имперфектив, LOC – локативный преверб, P – пациент переходного глагола, PL – множественное число, PRS – презенс, PST – претерит, S – субъект непереходного глагола, SG – единственное число.

Литература

- Аркадьев 2005 — *П.М. Аркадьев*. Акциональность в адыгейском языке. Рукопись. 2005.
 Аркадьев в печати — *П.М. Аркадьев*. Таксономические категории глагола и темпоральные наречия: свидетельства адыгейского языка // Сборник статей в честь Е.В. Падучевой, в печати.
 Гишев 1966 — *Н.Т. Гишев*. Лабильные глаголы адыгейского языка. М., 1966.
 Кибрик и др. 2000 — *А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.А. Муравьёва*. Язык и фольклор алыторцев. М.: ИМЛИ, «Наследие», 2000.
 Кумахов 1971 — *М.А. Кумахов*. Словоизменение адыгских языков. М.: «Наука», 1971.
 Кумахов 1974 — *М.А. Кумахов*. К проблеме аблаута в абхазо-адыгских языках. // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, 1974, Т. 1.
 Кумахов 1981 — *М.А. Кумахов*. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: «Наука», 1981.
 Кумахов 1989 — *М.А. Кумахов*. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: «Наука», 1989.
 Летучий 2004 — *А.Б. Летучий*. Актантная деривация в адыгейском языке. Экспедиционный отчёт, РГГУ, 2004.
 Мельчук 1998 — *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. II. Морфологические значения. М.; Вена: «Языки русской культуры», 1998.
 Минор 2005 — *С.А. Минор*. Кабардино-черкесский язык как полисинтетический. Дипломная работа. МГУ, ОТиПЛ, 2005.
 Недеялков, Сильницкий 1969 — *В.П. Недеялков, Г.Г. Сильницкий*. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Под ред. А.А. Холодовича. Л.: «Наука», 1969, с. 2–50.
 Падучева 1996 — *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: «Языки русской культуры», 1996.
 Падучева 1998 — *Е.В. Падучева*. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: «Языки русской культуры», 1998, с. 82 — 107.
 Падучева 2004а — *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М.: «Языки славянской культуры», 2004.

- Падучева 2004б — *Е.В. Падучева*. Накопитель эффекта и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 46—57.
- Плунгян 2000 — *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: «Эдиториал УРСС», 2000.
- Полинская 1986 — *М.С. Полинская*. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков. Диссертация ... кандидата филологических наук, М., Институт языкознания АН СССР, 1986.
- Рогава, Керашева 1966 — *Г.В. Рогава, З.И. Керашева*. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Сай 2004 — *С.С. Сай*. Лексическая семантика глагола и антипассивная деривация // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов / Под ред. Д.В. Герасимова и др. СПб.: «Наука», 2004, с. 86 — 90.
- Татевосов 2005 — *Татевосов С.Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 108—141.
- Яковлев, Ашхамаф 1941 — *Н.Ф. Яковлев, Д.А. Ашхамаф*. Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941.
- Ackerman, Moore 2001 — *F. Ackerman, J. Moore*. Proto-Properties and Grammatical Encoding. A Correspondence Theory of Argument Selection. Stanford: CSLI, 2001.
- Amberber 2002 — *M. Amberber*. Quirky alternations of transitivity: The case of ingestive predicates // *Language Universals and Variation* / Ed. by M. Amberber, P. Collins. Westport (Conn.): Prager, 2002, pp. 1–20.
- Baker 1995 — *M.C. Baker*. The Polysynthesis Parameter. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Cooreman 1994 — *A. Cooreman*. A functional typology of antipassives // *Voice: Form and Function* / Ed. by B. Fox, P.J. Hopper. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994, pp. 49–82.
- Dixon 1972 — *R.M.W. Dixon*. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Dowty 1991 — *D.R. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*, Vol. 67 (1991), No. 3, pp. 547–619.
- Filip 1999 — *H. Filip*. Aspect, Eventuality Types, and Noun Phrase Semantics. New York: Garland, 1999.
- Grimshaw 1990 — *J. Grimshaw*. Argument Structure. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Hale, Keyser 2002 — *K.L. Hale, S.J. Keyser*. Prolegomena to a Theory of Argument Structure. Cambridge (MA): The MIT Press, 2002.
- Heath 1976 — *J. Heath*. Antipassivization: A functional typology // *Proceedings of the 2nd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1976, pp. 202–211.
- Hewitt 1981 — *B.G. Hewitt*. 'Anti-passive' and 'labile' constructions in North Caucasian // *General Linguistics*, Vol. 22 (1981), No. 3, pp. 158–171.
- Hopper, Thompson 1980 — *P.J. Hopper, S.A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // *Language*, Vol. 56 (1980), pp. 251–299.
- Jelinek 1981 — *E. Jelinek*. Empty categories, case, and configurationality // *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 2 (1984), No. 1, pp. 39–76.
- Kazenin 1993 — *K.I. Kazenin*. On the lexical distribution of agent-preserving and object-preserving transitivity alternations // *Nordic Journal of Linguistics*, Vol. 17 (1994), pp. 141–154.
- Krifka 1989 — *Krifka M.* Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Masentermen, Pluraltermen und Aspektklassen. München, 1989.

- Krifka et al. 1995 — *M. Krifka, F.J. Pelletier, G.N. Carlson, A. ter Meulen, G. Link, G. Chierchia*. Genericity: An introduction // *The Generic Book* / Ed. by G.N. Carlson, F.J. Pelletier. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1995, pp. 1–124.
- Lazard 1994 — *G. Lazard*. *L'actance*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Building verb meanings // *The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors* / Ed. by M. Butt, W. Geuder. Stanford (CA): CSLI Publications, 1998, pp. 97–134.
- Letuchiy 2005 — *A.B. Letuchiy*. Reciprocal markers in Adyghe, their relations and interactions // *Typology of reciprocal constructions* / Ed. by V.P. Nedjalkov and Z. Guentcheva. München: Lincom Europa. To appear.
- Masica 1976 — *C. Masica*. *Defining Linguistic Area: South Asia*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.
- Smith 1997/1991 — *C. Smith*. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1997. (1st ed. 1991)
- Tatevosov 2002 — *S.G. Tatevosov*. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*. V. 6. 2002. No. 3. P. 317–401.
- Testelec 1998 — *Y.G. Testelec*. On two parameters of transitivity // *Typology of Verbal Categories. Papers Presented to Vladimir Nedjalkov on the Occasion of his 70th Birthday* / Ed. by L. Kulikov, H. Vater. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998, pp. 29–46.